

Джон Норвич

Нормандцы в Сицилии

*Второе
нормандское
завоевание*

1016—1130

Джон Норвич

**Нормандцы в Сицилии. Второе
нормандское завоевание. 1016-1130**

«Центрполиграф»

Норвич Д. Д.

Нормандцы в Сицилии. Второе нормандское завоевание. 1016-1130
/ Д. Д. Норвич — «Центрполиграф»,

В книге рассказывается о возвышении и недолгом величии дома Отвилей. О том, как за одно поколение сыновья Танкреда превратились из мелких землевладельцев в королей богатейшего острова. Северные авантюристы стали султанами в восточной столице. Пираты приобщились к культуре арабского двора. Мародеры, сжигавшие Рим, получили из рук папы митру и далматик – символы церковной власти.

Содержание

Введение	5
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Джон Норвич

Нормандцы в Сицилии. Второе нормандское завоевание. 1016—1130

Посвящается Энн

Введение

В октябре 1961 г. мы с женой проводили отпуск в Сицилии. Я имел смутное представление о том, что в Средние века там некоторое время правили нормандцы, но этим мои познания ограничивались. В любом случае, я не был готов к тому, что увидел. Там были соборы, церкви и дворцы, которые естественно и гармонично сочетали в себе все лучшие черты архитектуры трех ведущих цивилизаций того времени – североευропейской, византийской и сарацинской. Здесь, в древнем центре Средиземноморья, соединялись Север и Юг, Запад и Восток, латинский и тевтонский мир, христианство и потрясающий пример терпимости и просвещения на уровне, уникальном для средневековой Европы и редко достигавшимся даже в последующие века. Я был поражен и жаждал узнать больше. Вернувшись из отпуска, я отправился напрямик в Лондонскую библиотеку.

Там меня ждал печальный сюрприз. Несколько французских и немецких книг XIX в., написанных с педантичной ученой основательностью и невыносимо скучных, пылились на верхней полке; но для обычного английского читателя, желавшего узнать что-нибудь о нормандской Сицилии, не нашлось практически ничего. В первый момент я даже подумал, не подвела ли меня одна из самых прославленных английских библиотек, я отлично знал, что это не так. Если Лондонская библиотека не располагала книгами, которые мне нужны, это означало, что ни одной такой книги нет.

Так я впервые столкнулся с вопросом, на который и теперь, пять лет спустя, не могу дать ответ: почему одна из самых удивительных и романтических глав европейской истории между эпохами Юлия Цезаря и Наполеона практически не известна широкой публике. Даже во Франции любую попытку заговорить на эту тему встречают пустыми междометиями и несколько смущенным молчанием.

В Англии, которая пережила похожее, хотя и не столь блестящее нормандское завоевание, почти в то же самое время и впоследствии дала Сицилии несколько государственных деятелей и даже королеву, всеобщее недоумение читалось еще отчетливей. Г-н Фердинанд Шаландон, автор классического труда, посвященного этому периоду, включил в свою монументальную библиографию из более шестисот названий только одного английского автора – Гиббона. Хотя за шестьдесят прошедших лет в Англии появилось несколько блистательных ученых, во главе с мисс Ивилин Джэмисон, которые сумели пролить свет на этот темный период истории, до сего дня вышли только две неспециальные книги, рассказывающие о нормандском завоевании Сицилии более-менее подробно. Я имею в виду книгу Э. Кертиса «Рожер Сицилийский», написанную умело, хотя несколько тяжеловесно незадолго до Первой мировой войны, и труд Ван Вайка Осборна «Величайшие нормандские завоевания», где аккуратность и эрудиция ученого принесены в жертву его буйному воображению. Обе эти книги опубликованы в Нью-Йорке; обе вышли давно и не охватывают всего интересующего меня периода.

Вывод напрашивался сам собой: если я хочу полного изложения истории нормандской Сицилии для читателя-дилетанта, надо написать книгу самому. Вот почему я выношу сегодня на ваш суд – со страхом и робостью – первую из двух книг, вместе охватывающих всю исто-

рию от первого дня в 1016 г., когда группа нормандских паломников высадилась на берег у храма Архангела Михаила на горе Гаргано, до того момента 178 лет спустя, когда самая блистательная корона Средиземноморья перешла к мрачайшему из германских императоров. В этой книге рассказано о первых 114 годах, до Рождества 1130 г., когда Сицилия стала королевством, а Рожер II ее королем. Это были героические годы, годы тяжких трудов и завоеваний, в которых главную роль играли сыновья и внуки Танкреда де Отвиля, и прежде всего Роберт Гвискар, один из немногих гениальных военных авантюристов в истории, которые начали с нуля и умерли непобежденными. Потом настроения изменились, северная суровость подтаяла на солнце; и звон стали постепенно сменился шепотом фонтанов в тенистых патио и бречневением струн.

Эта книга не претендует на научность. Помимо всего прочего, я не ученый. Несмотря на восемь лет того, что по-прежнему оптимистически называют классическим образованием, и недавний мучительный курс переподготовки, мои познания в латыни скромны, а в греческом – еще беднее. Хотя мне часто приходилось сражаться с древними источниками в оригинале, я всегда с благодарностью обращался к переводам, когда представлялась подобная возможность. Я старался прочитать как можно больше о рассматриваемом мной периоде, чтобы вписать свою историю в общеевропейский контекст, однако едва ли я раскопал какой-то новый материал или сделал оригинальные выводы. То же относится и к архивной работе. Я думаю, что посетил все важные места, упомянутые в книге (многие из них – в отвратительную погоду), но мои поиски в местных библиотеках и архивах – исключая Ватикан – были краткими и в основном бесплодными. Но все это не имеет значения. Моя цель состояла, как я уже сказал, в том, чтобы дать читателю-неспециалисту такую книгу, о которой я мечтал во время первого посещения Сицилии, – книгу, где объяснялось бы, как нормандцы стали хозяевами этой земли, какое королевство они здесь создали и как они умудрились сформировать культуру одновременно такую красивую и необычную. Переведя дух, хочу сказать, что, надеюсь, я смог отдать им должное.

Часть первая Завоевание

Глава 1 Начало

*С отринутым забралом звездный шлем
Являл прекрасный мужественный лик
Архангела, как бы его черты
Недавние приметы юных лет утратили,
Висел огромный меч, – гроза погибельная сатаны,
На поясе подобном зодиаку блистательному при бедре
Копье в его руке.*

Мильтон. Потерянный рай. Книга XI

Для путешественника, направляющегося от Фоджии на восток к морю, угрюмая тень горы Гаргано нависает над равниной как грозовая туча. Эта гора – темная масса известняка, поднимающаяся столь неожиданно над равнинами Апулии и вторгающаяся на сорок или около того миль в Адриатику, – выглядит необычно и немного пугающе. В течение веков ее называли «шпорой Италии» – название не слишком удачное даже исходя из зрительного образа, поскольку «шпора» находится слишком высоко на сапоге и кажется прикрепленной задом наперед. Гора Гаргано скорее напоминает большую жесткую мозоль, случайную и, главное, нежеланную. Даже местность здесь напоминает скорее Германию, чем Италию; жители этого сырого, продуваемого всеми ветрами края мрачны, одеваются в черное и стары (в противоположность остальной Апулии, где средний возраст горожан, судя по всему исключительно мужчин, похоже, не больше семи лет), что подтверждает странную его чужеродность. Гора Гаргано – и для туристов, и для самих итальянцев – нечто постороннее. Она – сама по себе.

Это чувство всегда существовало у апулийцев, и они всегда относились к горе одинаково. С отдаленной древности аура святости витала над горой. Уже в античности на ней располагались по крайней мере два важных храма: один – посвященный Поладерию – древнему герою-воину, не слишком прославленному и еще менее занимательному, и посвященный Калхасу, предсказателю из Илиады: в этом храме, согласно Страбону, «те, кто советовался с оракулом, жертвовал его тени черного барана, а затем спал в его шкуре». С приходом христианства святилища продолжали существовать в ином качестве, претерпев минимальные изменения, чтобы соответствовать духу времени; однако к V в. после тысячи или более лет в роли священного места гора была готова для того, чтобы на ней произошло чудо. 5 мая 493 г. местный пастух, искавший прекрасного быка, которого он потерял, неожиданно обнаружил животное в темной глубокой пещере на склоне горы. Его попытки выманить быка наружу оказались безуспешными, владелец наконец в раздражении пустил стрелу в упрямую скотину. К удивлению пастуха, стрела на полпути остановилась, повернула назад и вонзилась ему в бедро, нанеся неприятную, хотя и неглубокую рану. Крестьянин поспешил домой и рассказал о случившемся Лаврентию, епископу Сипонто, который приказал своей епархии три дня поститься. На третий день Лаврентий сам посетил место, где произошло чудо. Едва он прибыл, появился архангел Михаил в полном вооружении и объявил, что пещера впредь будет храмом, посвященным ему и всем ангелам. Затем он исчез, оставив как знак свою большую железную шпору. Когда Лаврентий с помощниками несколькими днями позже снова приехали на гору, они обнаружили,

что ангелы в его отсутствие не бездействовали – грот превратился в часовню. Ее стены были украшены пурпуром, повсюду разливался мягкий теплый свет.

Бормоча молитвы, епископ приказал, чтобы на скале над входом в пещеру была построена церковь, а четыре месяца спустя, 29 сентября, он освятил ее в честь архангела.

Церковь Лаврентия в маленьком городе Монте-Сан-Анджело давно исчезла, но архангел Михаил не забыт. У входа в его пещеру стоит теперь восьмигранная колокольня XIII в. и довольно тяжеловесный портик в романском стиле, построенный сто лет назад. Внутри длинная лестница уводит вас в недра скалы. Стены увешаны подношениями, принесенными по обету, – костыли, повязки, протезы; глаза, носы, ноги, груди, неумело наштампованные на оловянных пластинках; картины – подлинный крестьянский примитив – изображающие дорожные происшествия, работающих лошадей, перевернутые кастрюли и другие неприятные события, во время которых жертва была спасена благодаря чудесному вмешательству архангела. Наибольшее умиление вызывают костюмы, которые надевали на маленьких детей в честь архангела, благодаря его за оказанную услугу, – крошечные деревянные сабли, крылья из оловянной фольги и кирасы; рядом порой вешают фотографию ребенка – все это постепенно разрушается на темном сыром камне. Внизу за парой восхитительных бронзовых византийских дверей – подарок богача Амальфитана в 1076 г. – расположена сама пещера, почти такая же, какой оставил ее Лаврентий. Воздух внутри нее звенит от молитв и душен от ладана, курившегося на протяжении пятнадцати веков; вода сочится из камня и капает со сверкающего каменного свода, и верующие собирают ее в маленькие пластиковые чашки. Главный алтарь, залитый светом и увенчанный статуей архангела, занимает один из углов; в остальном пространстве властвуют крошащиеся колонны, заброшенные алтари в глубоких нишах, темнота и время.

Гора Сан-Анджело в свое время была одной из главных святынь Европы. Ее посещали Григорий Великий в VI в. и святой Франциск в середине XIII в. (он подал верующим плохой пример, вырезав инициалы на алтаре у входа), императоры – Оттон II, который в 981 г. прибыл туда с очаровательной молодой женой – византийской принцессой Феофано, и их меланхолический, склонный к мистике сын Оттон III, который в порыве религиозного рвения прошел босиком весь путь из Рима; а также в 1016 г. группа скромных нормандских паломников, чья беседа со странно одетым странником в этой самой пещере изменила курс истории и привела к основанию одного из самых мощных и блистательных королевств Средневековья.

К началу XI в. нормандцы фактически завершили тот путь, который меньше чем за сто лет привел их от варварства к цивилизации. Собище безграмотных язычников превратилось в христианское, хотя не слишком разборчивое в средствах полунезависимое государство. Даже для энергичной и одаренной расы это было колоссальное достижение. Еще жили люди, чьи отцы могли помнить Ролло, светловолосого викинга, который провел свои длинные корабли вверх по Сене и в 911 г. получил от французского короля Карла Простоватого восточную часть современной Нормандии. В действительности Ролло не был первым из завоевателей-нормандцев, но он сумел объединить усилия и стремления своих соплеменников, для того чтобы обжить новую землю. Уже в 912 г. многие нормандцы, включая самого Ролло, приняли крещение. Некоторые, как пишет Гиббон, крестились по десять или двенадцать раз ради белых одежд, выдаваемых на церемонии; а тот факт, что во время похорон Ролло помимо даров монастырям за упокой его души принесли в жертву сотни пленников, заставляет предположить, что в эти ранние годы политическая выгода была не менее весомой причиной обращения, чем духовное просветление, и Тор с Одином не без борьбы уступили позиции Святому Духу. Но в пределах жизни одного или двух поколений, признает Гиббон, «народ в целом полностью изменился». То же справедливо по отношению к языку. К 940 г. древнескандинавский язык, на котором еще говорили в Байе и на побережье (где он продолжал жить за счет новых поселенцев), был уже забыт в Руане. До конца столетия он полностью и практически бесследно вымер. Последнее важное достижение оставалось перенять нормандцам для того, чтобы окон-

чательно стать французами, – достижение, которое долгое время вызывало восхищение у них и их потомков и стало краеугольным камнем двух самых эффективных государственных систем, когда-либо виденных в мире. Речь идет о быстро строившемся величественном здании французского закона, который нормандцы приняли с распростертыми объятиями.

Интерес и уважение к закону были отличительными чертами большинства средневековых обществ Запада; но один из парадоксов нормандской истории заключается в том, что эти качества проявились в такой степени у народа, прославившегося своими беззакониями по всей Европе. Пиратство, нарушение клятв, грабеж, насилие, вымогательство, убийство – такие преступления совершались жизнерадостно и постоянно нормандскими королями, герцогами и баронами задолго до того, как Крестовые походы опустили еще ниже планку на шкале моральных норм цивилизованного мира. Объяснение состоит в том, что нормандцы были прежде всего прагматиками. Они видели в законе величественную и прочную структуру, на которой можно строить государство и которую можно использовать как оплот в любом предприятии. Как таковой, закон становился не их господином, но их рабом, и они стремились укрепить его просто потому, что сильный раб полезнее слабого. Такое отношение превалировало среди нормандских правителей на севере и на юге. Именно поэтому даже самые неразборчивые в средствах властители почти всегда умудрялись давать изобретательное законное оправдание всему, что они делали; и почему величайшие нормандские строители государственности, король Генрих II в Англии и король Рожер в Сицилии, сконцентрировали свои усилия прежде всего на построении развитой правовой системы в своих владениях. Никто из них никогда не рассматривал закон как абстрактный идеал и тем более не смешивал его с правосудием.

Прагматический подход и забота о внешних формах видны еще отчетливей в отношении нормандцев к религии. Они казались по-настоящему богобоязненными, как всякий человек в Средние века, и, как большинство людей, пребывали в убеждении, что главная цель религии – обеспечить человеку возможность после смерти избежать адского пламени и достичь небес как можно быстрее и безболезненнее. Благополучие в таком путешествии обеспечивается, как обычно верили, исполнением правил, предписанных церковью, – регулярным присутствием на мессе, соблюдением постов, покаянием по необходимости, паломничеством при случае и щедрыми дарами церквям и монастырям. Пока эти формальные требования не нарушаются, человек волен в остальном поступать как хочет и его не следует судить строго. Также нет необходимости подчиняться диктату церкви в мирских делах. Как мы увидим, подлинные религиозные чувства Гвискара или Рожера никогда не мешали им драться зубами и когтями против того, что они считали недопустимым посягательством со стороны папства, так же как искренняя вера Генриха Плантагенета не предотвратила его столкновения с Беккетом. Отлучение от церкви было действительно суровым наказанием, применявшимся в особых случаях; однако западноевропейские правители подвергались ему довольно часто, и, по крайней мере если говорить о нормандцах, оно, по-видимому, не слишком влияло на их политику; обычно им удавалось добиться того, что отлучение вскоре снимали.

Материалистичные, сообразительные, восприимчивые, все еще сохранившие неистовую энергию и непоколебимую самоуверенность своих предков-викингов, первые нормандские авантюристы были прекрасно подготовлены к той роли, которую им предстояло играть. К этим качествам добавлялись еще два, может быть, недостойные похвалы сами по себе; однако без них великое королевство на юге не возникло бы никогда. Прежде всего нормандцы были необыкновенно плодовиты, что означало постоянный прирост населения. Поиски «жизненного пространства» привели первых завоевателей из Скандинавии в Европу, а два столетия спустя те же обстоятельства заставили их жадных до земли сыновей двигаться дальше на юг. Во-вторых, они были прирожденными бродягами – не только по необходимости, но также по темпераменту. Они не испытывали, как отмечает древний хронист, привязанности ни к одной стране, которую в тот или иной момент называли своей. Быстрины Севера, холмы Норман-

дии, прибрежные луга Англии, апельсиновые рощи Сицилии, пустыни Сирии поочередно были покинуты бесстрашными, легкими на подъем молодыми людьми, ищущими места, где поживы будет больше.

А что может послужить лучшим оправданием для таких поисков, чем паломничество? Нет ничего удивительного в том, что при наступлении второго тысячелетия, когда мир не пришел к предсказанному концу и волна облегчения и благодарности прокатилась по Европе, среди тысяч людей, толпами двигавшихся к святым местам, оказалось столько нормандцев. Пункты назначения могли быть разными; четыре считались столь священными, что визита туда было достаточно, чтобы получить полное отпущение грехов, – Рим, Кампостелла, гора Гаргано и, разумеется, Святая земля. В тот период Иерусалим находился уже около четырехсот лет под владычеством мусульман, но христианских паломников там принимали – один из странно-приимных домов был основан самим Карлом Великим, и подобное путешествие не вызывало особых затруднений у тех, кто имел достаточно времени и сил; а меньше всего – у молодых нормандцев, которые воспринимали его как приключение и испытание и, без сомнения, получали от него удовольствие, но на свой лад, совершенно независимо от абстрактной духовной цели – спасения собственной души. Дополнительная выгода состояла в том, что по возвращении из Палестины они могли высадиться в Бари или Бриндизи и оттуда проследовать вдоль берега до храма Архангела, ибо архангел Михаил не только был хранителем мореплавателей и уже потому заслуживал благодарности, но и занимал особое место в сердцах нормандцев как патрон их собственного большого аббатства на Мон-Сен-Мишель.

Таким путем, очевидно, следовали сорок с лишним нормандских паломников, которые нанесли свой судьбоносный визит на гору Сан-Анджело в 1016 г. По крайней мере, так свидетельствует Вильгельм из Апулии, написавший, по поручению папы Урбана II, «Историческую поэму о деяниях нормандцев в Сицилии, Апулии и Калабрии» в самом конце XI столетия. Рассказ Вильгельма, отлитый в изящные латинские строки, начинается с описания того, как к паломникам приблизился в пещере странный человек, одетый на греческий манер в рясу и шапочку. Он им не очень понравился, а его одежду они сочли женоподобной; но его историю выслушали. Незнакомца, как выяснилось, звали Мелус; он был знатным лангобардом, отправившимся в изгнание после того, как возглавил неудачное восстание против Византийской империи, которая в то время держала под своей властью большую часть южной Италии. Он мечтал добиться независимости для своей родины, и этого, по его убеждению, нетрудно было достичь; все, что требовалось, – это помощь нескольких отважных молодых воинов, подобных его собеседникам. Против объединенной лангобардско-нормандской армии греки не выстоят, а лангобарды не забудут своих союзников.

Трудно представить, что жалость была главным чувством в сердцах паломников, когда они вышли на солнечный свет и поглядели на широкую долину Апулии, лежащую заманчиво у их ног. Они не могли тогда предвидеть, сколько великих деяний предстоит совершить и какие далеко идущие последствия это будет иметь; но они наверняка понимали, какие громадные возможности открываются за предложением Мелуса. Это был шанс, которого они ожидали, – богатая плодородная страна, в которую их приглашали, почти умоляли прийти, предоставляла неограниченный простор для того, чтобы проявить свою доблесть и достичь успеха. Более того, их действия были оправданы с точки зрения законной и религиозной, поскольку речь шла об освобождении покоренного народа от чужеземного угнетения и восстановлении на юге Италии римской церкви, вместо презренного константинопольского лжеучения. Должны были пройти годы, прежде чем эта жажда славы оформилась в ясные планы завоевания, и еще больше времени до того, как эти амбиции были столь блистательно осуществлены, а пока требовалось закрепиться в стране, а для этого призыв к борьбе за независимость Ломбардии был так же хорош, как всякий другой.

Итак, нормандцы обещали Мелусу, что окажут ему помощь, о которой он просит. Сейчас их слишком мало, и они пришли в Апулию как паломники, поэтому недостаточно экипированы, чтобы участвовать в военной кампании. Поэтому они должны вернуться в Нормандию, но только на время, которое необходимо, чтобы совершить подходящие приготовления и собрать соратников. В следующем году они вернутся, чтобы присоединиться к своим новым лангобардским друзьям и начать великое предприятие.

Патриотизм Мелуса тем более понятен, что лангобарды могли гордиться своей долгой и славной историей. Они явились как племя полуварварских завоевателей из северной Германии и расселились к середине VI в. на территории, которая до сих пор носит их имя, основав процветающее королевство со столицей в Павии. Одновременно их соплеменники продвинулись дальше на юг и основали полунезависимые герцогства в Сполетто и Беневенто. Двести лет все шло хорошо, но в 774 г. Карл Великий вступил в Италию, взял Павию и королевству пришел конец. Средоточием ломбардской культуры и традиций теперь стали герцогства, особенно Беневенто, которое вскоре превратилось в принципат и – хотя формально находилось под сюзеренитетом папы по дарственной Карла Великого – сохраняло старые лангобардские обычаи. Здесь, на перекрестке двух важнейших римских дорог на юг – Виа-Аппия и Виа-Траяна, где стоит великолепная триумфальная арка Траяна, лангобардская аристократия постепенно копила богатства и укрепляла свое имущество, так что к 1000 г. три властителя из Беневенто, Капуи и Салерно числились самыми могучими правителями на полуострове. Их дворцы блистали византийской роскошью, а их основным занятием были бесконечные заговоры с целью достичь извечной мечты – единого и независимого лангобардского королевства на территории всей южной Италии. Имея в виду эту цель, они признавали верховное главенство то Латинской империи Запада, то Византийской империи Востока (Беневенто время от времени еще отвечал неискренними заверениями на притязания папы), чтобы настроить одних своих сюзеренов против других. И естественно, они никогда не упускали возможности поддержать лангобардских сепаратистов на территории своих византийских соседей.

У Византийской империи долгое время были проблемы в Италии. Едва успели армии Юстиниана и его преемника изгнать остготов с полуострова в VI в., как обнаружилось, что его оккупировали прежние союзники Византии – ломбарды. Быстрые действия еще могли спасти ситуацию, но в тот момент Константинополь был занят дворцовыми интригами и ничего не предпринял. Между тем ломбарды наступали. В 751 г. у них хватило сил, чтобы изгнать византийского экзарха из Равенны, и с этого момента под греческим влиянием оставались только Калабрия, «пятка» Италии вокруг Отранто и несколько торговых городов на западном берегу, главными из которых были Неаполь, Гаэта и Амальфи. Вначале эти города представляли собой просто процветающие колонии империи, но со временем они превратились в наследственные герцогства, еще в основном греческие по языку и культуре, признающие византийский сюзеренитет и связанные с Константинополем тесными узами дружбы и торговли, но во всех практических делах независимые.

Карл Великий с его франками хоть и сокрушил ломбардов, но это не принесло никаких выгод грекам, а означало только появление соперника в борьбе за господство над южной Италией. Только в IX в., когда великая Македонская династия пришла к власти в Константинополе, Василий I и его преемник Лев VI Мудрый смогли приостановить упадок и частично восстановить позиции Византии в Италии. В результате их усилий Фемы Лангобардские, включающие Апулию, Калабрию и Отранто, или, как обычно называют эти земли, Капитаната, была к 1000 г. могущественной и процветающей провинцией империи, которая, в свою очередь, стала главенствовать на полуострове. Византия претендовала также на все земли, лежащие к югу от линии, соединяющей Террачину на западе и Термоли на Адриатике, и полностью отказывалась признать независимость греческих городов-государств и лангобардских княжеств.

У правителей Капитанаты было множество проблем. Прежде всего, их землю постоянно грабили сарацинские пираты из Северной Африки, которые теперь хозяйничали во всем Западном Средиземноморье. В 846 г. они совершили налет на Рим и ограбили собор Святого Петра, а двадцать лет спустя потребовался нелегкий и неприятный для обеих сторон союз между восточным и западным императорами для того, чтобы вытеснить сарацин из Бари. Монах по имени Бернард писал о том, что во время паломничества в Иерусалим в 870 г. видел, как пленных христиан тысячами сгоняли на галеры в Таранто, чтобы отправить их по морю в Африку как рабов. Еще через тридцать лет после того, как сарацины прибрали к рукам Сицилию, укрепив тем самым свои стратегические позиции, они уничтожили Реджо и вскоре стали такой серьезной угрозой, что византийский император согласился платить им ежегодно определенную сумму в качестве откупных. В 953 г., однако, эти выплаты были прекращены и грабежи возобновились. В последней четверти X в. едва ли год проходил без хотя бы одного крупного набега.

Кроме того, существовала Западная империя, за которой следовало наблюдать. Общий ее упадок, который последовал за смертью в 888 г. Карла Толстого, положившей конец династии Карла Великого, предоставил соперникам Западной империи долгожданный отдых; но со вступлением на трон Оттона Великого в 951 г. спор за земли южной Италии вспыхнул вновь с еще большей яростью. Оттон направил свою громадную энергию на освобождение Италии в равной степени и от греческой, и от сарацинской заразы, и почти на двадцать лет страна оказалась ввергнута в тяжелую и безрезультатную войну. Мир, как предполагалось, должен был воцариться в 970 г., когда дружбу между двумя империями формально скрепил брак сына Оттона – будущего Оттона II – и греческой принцессы Феофано; но это только дало молодому Оттону возможность по вступлении на престол требовать «реституции» всех византийских владений в Италии, как части приданого своей жены. На эти требования Византия, естественно, ответила отказом, и война началась вновь. В 981 г. Оттон пошел войной на Апулию, его гнев в данном случае был направлен против сарацин. Византийский император Василий увидел в этом свой шанс: Оттон, по его мнению, представлял значительно большую опасность. Гонцы поспешили к сарацинским вождям, был заключен временный союз, в результате чего после первоначальных успехов Оттон потерпел сокрушительное поражение около Стило в Калабрии; только постыдное бегство, в переодетом виде, спасло его от плена. Он так и не оправился после пережитого унижения и умер в Риме в следующем году в возрасте двадцати восьми лет. Ему наследовал его трехлетний ребенок, и потому неудивительно, что Западная империя какое-то время не доставляла греческим властителям хлопот; но не стоило успокаиваться и терять бдительность надолго.

Оттон – единственный германский император, погребенный в Риме. Его могилу до сих пор можно увидеть в Гротте– Ватикане – кроме порфирной крышки, которая, будучи первоначально перенесена из мавзолея Адриана, ныне служит купелью в соборе Святого Петра.

В самой Капитанате существовали серьезные проблемы. В Калабрии и на «пятке» положение византийских властителей было достаточно прочным, поскольку в этих областях влияние ломбардов ощущалось мало. Кроме того, они стали убежищем для большого числа греческих монахов, бежавших в VIII в. от эксцессов иконоборчества в Константинополе, а в X в. от грабежа сицилийских сарацин; в результате греческие обычаи и принципы главенствовали в политике, религии и культуре. Калабрия, в частности, и до времен Ренессанса оставалась одним из главных центров греческой учености. Но в Апулии ситуация была более сложной. Имперскому правителю – катапану – приходилось приглядывать за местным населением итало-ломбардского происхождения, поскольку оно пользовалось достаточной свободой. Сохранялась лангобардская система управления; лангобардские судьи и чиновники применяли ломбардские законы, греческая процедура была предписана только для случаев (гипотетического) убийства императора или (менее гипотетического) убийства катапана. Государственным язы-

ком считалась латынь. В большинстве областей церковью ведали латинские епископы, поставленные папой; только в нескольких городах с большой долей греческого населения были греческие епископы.

Такая автономия казалась беспрецедентной для Византийской империи, и все же лангобарды в Апулии не желали принимать греческое правление. У них уже выработалось сильное национальное самосознание – за пятьсот лет они так и не ассимилировались с итальянским населением – и патриотические чувства постоянно подогревались принципами на севере и западе. Кроме того, византийские налоги были велики, и, что еще более важно, опыт последних лет показал, что даже при обязательной военной службе (всегда непопулярная мера) империя могла защитить апулийские города, особенно прибрежные, от сарацин. Ломбардскому населению этих городов ничего не оставалось делать, кроме как организовать самооборону. Соответственно появились постоянные военные отряды, многие из них имели в своем распоряжении корабли, чтобы преграждать путь пиратам до того, как они высадятся.

Эти вооруженные люди, в свою очередь, представляли серьезную опасность для византийских властей, но в сложившихся обстоятельствах их едва ли можно было распустить. Все это добавляло уверенности ломбардам, так что к концу X в. в Апулии возникло активное и хорошо вооруженное движение сопротивления. Небольшой мятеж произошел в Бари в 987 г., а десятилетием позже началось другое, гораздо более серьезное восстание, на подавление которого потребовалось три года. Во время этого бунта был убит важный византийский чиновник. Затем в 1009 г. поднял оружие Мелус. Вместе со своим шурином Даттусом и многочисленными последователями он быстро овладел Бари, а в 1010 г. захватил Асколи и Трани; но весной 1011 г. вновь назначенный катапан собрал все наличные силы для осады Бари и сумел подкупить нескольких греков, живших в городе, чтобы те открыли городские ворота. 11 июня Бари пал; Мелус спасся и бежал в Салерно. Его жене и детям повезло меньше. Их захватили в плен и отослали как заложников в Константинополь.

Высоко на холме, возвышающемся над современной автострадой, которая соединяет Неаполь с Римом, расположен монастырь Монте-Кассино. На расстоянии он выглядит примерно так же, как, должно быть, смотрелся тысячу лет назад. Это иллюзия: в отчаянной битве в феврале – марте 1944 г. фактически все аббатство было стерто с лица земли неустанными бомбардировками союзников, и существующие здания представляют собой послевоенную реконструкцию. Но все же жизнь в монастыре не замирала с 529 г., когда святой Бенедикт пришел на вершину этого холма и построил на руинах языческого храма Аполлона огромное аббатство, которое было первым из его начинаний и местом рождения Бенедиктинского ордена.

К истории нормандцев на юге Монте-Кассино имеет самое непосредственное отношение. Как величайший из итальянских монастырей он являлся одним из важнейших центров европейской учености в темные века. Он сохранил для потомства труды многих классических авторов, в том числе Апулея и Тацита; эти драгоценные книги как-то пережили разрушительный набег сарацин в 881 г., в ходе которого церковь и другие постройки были сильно разрушены. В те времена, когда начинается наш рассказ, монастырь вступал в свою золотую пору. В последующие двести лет его могущество достигло такого уровня, что он превратился почти в независимое государство. Он бросал вызов франкам, грекам, ломбардам, нормандцам, при случае даже самому папе; дважды настоятели Монте-Кассино, всегда считавшиеся одной из самых влиятельных фигур в латинской церковной иерархии, занимали престол святого Петра.

Во второй половине XI в. в Монте-Кассино жил монах по имени Аматус – или, как его иногда называют, Эмэ, – который примерно между 1075-м и 1080 гг. написал историю нормандцев на юге. В отличие от Вильгельма Апулийского, который, судя по всему, больше всего заботился о том, чтобы показать свое искусство в латинском стихосложении, Аматус писал несуетной прозой; он составил аккуратный и подробный отчет о событиях, современником, а

часто, быть может, и свидетелем которых он был. К сожалению, подлинный латинский текст его сочинения утерян; все, чем мы располагаем, – перевод на итальянизированный старофранцузский, сделанный в XIV в. и сохранившейся в богато украшенной рукописи, которая теперь находится в Национальной библиотеке в Париже. У ученых, поскольку Аматус бесспорно наиболее надежный источник, относящийся к теме и периоду, потеря латинского текста вызывает большие сожаления; но для остальных это всего лишь означает, что важнейший труд, современных английских переводов которого не существует, освобожден от кошмарных хитросплетений средневековой латыни и является не только понятным, но также – благодаря своей живости, наивности и красоте каллиграфии – приятным чтением.

Аматус рассказывает другую историю о нормандских паломниках, которую интересно соотнести с изложенной Вильгельмом. По его словам, группа из примерно сорока молодых нормандцев, возвращаясь в 999 г. на корабле из Палестины, посетила Салерно, где их гостеприимно встретил князь Салерно Гвемар IV¹. Их мирный отдых там был, однако, грубо прерван появлением сарацинских пиратов: местные жители так боялись их ужасной жестокости, что даже не пытались сопротивляться. Возмущенные их трусостью, нормандцы взяли за оружие и бросились на врага. Их пример придал мужества салернцам, многие из которых к ним присоединились; а сарацины, не ожидавшие противодействия, были все убиты или обратились в бегство. Восхищенный Гвемар сразу предложил доблестным героям богатое вознаграждение, если они останутся при его дворе. Нормандцы отказались: после долгого отсутствия они торопились вернуться домой. Однако они были вполне готовы поговорить со своими друзьями, многие из которых были бы безусловно заинтересованы таким предложением, а доблестью отнюдь не уступали им самим. После этого они уехали, нагруженные подарками от Гвемара, весьма привлекательными для бесстрашных северных воинов, – там были «лимоны, миндаль, соленые орехи, прекрасные одеяния, железные орудия, отделанные золотом; и все эти дары соблазняли приехать в южные земли, текущие молоком и медом, где можно найти такое множество красивых вещей».

В 1016 г., когда Мелус побывал на горе Сан-Анджело, сарацины нападали на Салерно, но нигде не упоминается о сарацинском набеге в 999 г., которым Аматус датирует свой рассказ. Может быть, даже если история в целом правдива, автор допустил здесь одну из своих редких хронологических ошибок и два визита паломников датируются примерно одним временем. Если это так, то не может ли быть, что речь идет не о двух группах паломников, а об одной и той же? Не могла ли встреча с Мелусом в храме, якобы случайная, быть умышленно подстроена им самим и Гвемаром, который незадолго до того предоставлял ему убежище и являлся одним из главных тайных покровителей лангобардских сепаратистов? Не исключено. Однако, как утверждает Э. Иорансон в своей книге «Начало нормандского владычества в Италии», оба рассказа легендарны и вполне вероятно, что первые нормандцы были в Италии просто изгнанниками, которых подговорил вмешаться в лангобардские дела папа Бенедикт VIII в качестве части своей антивизантийской политики. Мы этого никогда не узнаем. Но исходила ли инициатива от князя, патриота или папы и были ли те, к кому он обращался, беглецами или паломниками, в одном сомневаться не приходится: он достиг цели. Весной 1017 г. первые молодые нормандцы были уже в пути.

¹ Гвемар, который правил в Салерно с 999-го по 1027 г., иногда именуется Гвемаром III. Нумерация лангобардских герцогов и князей так и не была упорядочена, что вызывает постоянную путаницу.

Глава 2

Прибытие

И их народ чрезвычайно умножился, так что поля и леса не могли более давать им все необходимое... и тогда эти люди ушли, покинули то, что было скудным, в поисках изобилия. Но они не хотели, как многие, кто пускался по свету, служить другим; но, как древние рыцари порешили, что все будут им подчиняться, признавая их верховными правителями. И так они подняли оружие, оставили мирную жизнь и совершили великие деяния и рыцарские подвиги.

Аматус, I, 1, 2

Возможно, лангобардские предводители не наводили никаких справок о воинах, чьей помощи они добивались, и единственным критерием отбора являлась мощная доблесть. Весть об этом приглашении быстро распространилась по городам и манорам Нормандии, и истории о южных прелестях, бессилии местных жителей и богатом вознаграждении, которое ожидает любого нормандца, готового совершить путешествие, без сомнения, не теряли ничего в пересказе. Эти истории придумывались в расчете на самую подвижную группу нормандского населения, поэтому первый отряд нормандских воинов в Италии если и походил внешне на «древних рыцарей» Аматуса, по сути имел мало общего с рыцарями каролингских легенд, чьи подвиги они хрипло воспевали. Основную массу составляли младшие сыновья рыцарей и землевладельцев, которые, не имея собственных наследственных земель, мало были привязаны к своему дому; к ним присоединилась значительно менее уважаемая группа профессиональных наемников, игроков и авантюристов, привлеченных легкими деньгами. По дороге, особенно в Бургундии и Провансе, к ним присоединился обычный сброд – беглые преступники, разбойники и прочие. Летом 1017 г. армия пересекла реку Гарильано, по которой проходила южная граница Папской области, и направилась в Капую. Там, возможно по предварительной договоренности, их с нетерпением поджидал Мелус с собственным войском в полной готовности и горевший желанием драться.

Для лангобардов единственный шанс на успех состоял в том, чтобы атаковать византийцев до того, как они успеют оценить возникшую ситуацию и вызовут подкрепление, поэтому Мелус был прав, внушая своим новым союзникам, что они не должны терять время. Он повел их через границу в Апулию, и они застали врага врасплох. С приходом зимы, когда военные кампании первого года завершились, бунтовщики могли похвастаться несколькими крупными победами и с полным правом отпускали шутки по поводу женоподобия греков; к сентябрю 1018 г. они изгнали византийцев из всех земель от Форторе на севере до Трани на юге. В октябре, однако, в войне наступил перелом.

На правом берегу реки Офанто, примерно в четырех милях от Адриатического моря, большая скала по-прежнему вздымается над равниной, где в 216 г. до н. э. карфагенская армия под командованием Ганнибала нанесла римлянам одно из самых кровавых и сокрушительных поражений за всю их историю. Здесь же, двенадцать веков и тридцать четыре года спустя, лангобардские и нормандские объединенные силы под командованием Мелуса потерпели еще большую катастрофическую неудачу в сражении с византийской имперской армией, ведомой величайшим из катапанов Василием Боиоаннесом. По настоянию Боиоаннеса император Василий II прислал из Константинополя большое подкрепление: Аматус пишет, что греки роились на поле, как пчелы, вылетающие из улья, а их копья напоминали заросли тростника. Но здесь сыграло роль и другое немаловажное (если не главное) обстоятельство: Василий укрепил армии своими собственными северными воинами – отрядом варяжской гвардии, боль-

шим войском викингов, присланным ему тридцать лет назад от князя Владимира из Киева как выкуп за сестру. Лангобарды сражались храбро, но напрасно; почти все были перебиты, и с ними погибла последняя надежда Мелуса на независимость лангобардов в Апулии. Сам он сумел спастись и после месяцев бесцельных скитаний по герцогствам и папским владениям нашел приют при дворе императора Западной империи Генриха II в Бамберге. Там он умер двумя годами позже, сломленный и разочарованный. Генрих, как главный соперник Византии в борьбе за главенство в южной Италии, поддерживавший Мелуса в прошлом, почтил его пышными похоронами и великолепным надгробием в новом соборе; но ни искусство создателей памятника, ни пустой титул герцога Апулийского, дарованный ему Генрихом незадолго до смерти, не могли скрыть того факта, что Мелус проиграл и, что еще хуже, в своем стремлении принести свободу собственному народу он совершил нечто, сделавшее эту свободу вовсе недостижимой. Он привел в страну нормандцев.

Они тоже сражались храбро и понесли большие потери при Каннах. Их вождь, некий Жильбер, пал на поле битвы, и ряды войска сильно поредели. Но нормандцы перегруппировались после сражения и выбрали предводителем брата Жильбера – Райнульфа. Теперь, когда Мелус бежал, они должны были полагаться на самих себя, по крайней мере до тех пор, пока не найдут нового человека, который будет им платить. Обескураженные, они удалились в горы, чтобы найти какое-нибудь убежище, которое стало бы их постоянной штаб-квартирой и сборным пунктом для вновь прибывших воинов, которые все еще приезжали с севера. Первый выбор оказался неудачным; при строительстве крепости нормандцы потерпели поражение еще более плачевное, чем при Каннах. Вильгельм Апулийский рассказывает, что их постигло нашествие лягушек, которые появились в таком количестве, что невозможно было продолжать работу. После постыдного отступления перед квакающим хором воины нашли другое место, которое оказалось более подходящим. Благодаря постоянному притоку новых сторонников численность войска вскоре восстановилась и даже увеличилась. Кроме того, несмотря на первое жестокое поражение, их репутация как воинов не имела себе равных; и их услуги пользовались спросом.

Большой котел южной Италии никогда не переставал кипеть. В стране, у границ и в пределах которой постоянно сталкивались интересы четырех величайших держав того времени, раздираемой на части воинственными притязаниями четырех рас, трех религий и множества независимых, полунезависимых и мятежных государств и городов, сильная рука и острый меч никогда не оставались без применения. Многие молодые нормандцы примкнули к Гвемару из Салерно; другие обратились к его шурину и сопернику Пандульфу из Капуи – Волку из Абруццо, чья энергия и честолюбие доставляли много хлопот соседям. Некоторые предпочли Неаполь, Амальфи или Гаэту. Тем временем катапан Боиоаннес закрепил свою победу, построив новую крепость для защиты своей апулийской границы – укрепленный город Трою у входа в ущелье, ведущее через Апеннины на равнину. Ему, однако, требовались воины для укомплектования постоянного гарнизона – а поскольку варяги к тому времени с триумфом вернулись в Константинополь, приходилось искать где-то еще. Поскольку нормандцы были просто наемниками, а катапан узнавал хорошего воина с одного взгляда, нет ничего удивительного в том, что год спустя после Канн хорошо вооруженная армия нормандцев отправилась в Апулию защищать законные владения Византии от продолжающихся подлых атак лангобардских бунтовщиков.

Такая постоянная смена «хозяев» и союзников, казалось, вредила нормандским интересам. Безусловно, если они хотели увеличить свою мощь до такой степени, чтобы установить свое главенство на полуострове, им следовало выступать единым фронтом, а не рассредоточиваться бесцельно между бесчисленными группировками, которые искали их помощи. Но на этой стадии мысль о главенстве еще не сложилась и никакого единства, которое следовало беречь, просто не было. Каждый поступал исходя из собственных интересов; национальные

чаяния были на втором плане, если вообще принимались в расчет. К счастью для нормандцев, личные и национальные интересы часто совпадали; и парадоксальным образом именно разъединенность подготовила завоевание. Если бы они действовали заодно, они непременно нарушили бы баланс сил в южной Италии, поскольку их было слишком мало, чтобы властвовать самим, и слишком много, чтобы не укрепить опасным образом любую группировку, к которой они примкнули бы. Но, разделяясь, меняя союзников и противников во всех мелких стычках, в которые они оказывались втянуты, и принимая почти неизменно сторону победителей, они не давали никому из соперников слишком усилиться; поддерживая всех, они добились того, что не поддерживали никого; продавая свой меч не тому, кто предлагал наивысшую цену, но любому покупателю, они сохраняли для себя свободу действий.

Не одним нормандцам пришлось пересмотреть свои позиции после Канн. Одним ударом Византия вернула себе власть в Апулии и укрепила свой авторитет во всей Италии. На лангобардские герцогства это произвело, как можно догадаться, большое впечатление. В начале 1019 г. Пандульф Капуанский откровенно принял сторону греков и дошел до того, что послал ключи от своей столицы в Константинополь. В Салерно Гвемар не делал столь широких жестов, но и не скрывал, к кому теперь обращены его симпатии. Наибольшее удивление – по крайней мере на первый взгляд – вызывает позиция Монте-Кассино. Этот монастырь всегда считался оплотом латинских интересов на юге Италии – а именно интересов папы и западного императора. В качестве такового он поддерживал Мелуса и даже предоставил его шурина Даттуса после Канн то же убежище, в котором он скрывался после предыдущего поражения лангобардов в 1011 г., – принадлежавшую монастырю укрепленную башню на берегу Гарильано. Но несколько месяцев спустя настоятель монастыря высказался в поддержку притязания Константинополя. Только властитель Беневенто хранил верность Западной империи.

Все эти вести не порадовали императора Генриха, а еще менее – папу. Бенедикт VIII, человек прямой и порядочный², не был религиозным деятелем в полном смысле этого слова. Выходец из знатной тускуланской семьи, он, возможно, и вовсе не принадлежал к духовенству до момента своего избрания на папский престол в 1012 г. В течение двенадцати лет своего пребывания папой он проявил себя прежде всего политиком и человеком дела, чьи усилия были направлены на укрепление связей папства с Западной империей и освобождение Италии от всех других притязаний. В 1016 г. он лично вел армию против сарацин и всеми силами поддерживал Мелуса и Даттуса в их борьбе против греков, дважды договариваясь с настоятелем Монте-Кассино, чтобы он предоставил убежище Даттусу в башне Гарильано. Теперь папа обнаружил, что все его усилия ничего не принесли, а позиции Византии неожиданно упрочились. Дезертирство Монте-Кассино было особенно серьезным ударом – хотя, возможно, наиболее объяснимым, если вспомнить, что аббат монастыря Атенульф был братом Пандульфа из Капуи и незадолго до того приобрел при загадочных обстоятельствах большое имение около Трани в византийской Апулии. Кроме того, существовала опасность продолжения греческой экспансии. После таких успехов византийцы могли не удовлетвориться Капитанатой. Балканские войны, которые так долго отвлекали на себя грозную силу Василия II и принесли ему титул Болгаробойца, теперь закончились. Папская область представляла собой лакомую добычу. Если бы Боиоаннес пересек реку Гарильано, никаких преград не стояло бы между ним и воротами Рима; а коварное семейство Кресченти, давние враги графов Тускуланских, сумели бы извлечь выгоду из этой беды. Уже сто пятьдесят лет папы не посещали земель к северу от Альп, но, после того как новость об измене Монте-Кассино дошла до него, Бенедикт больше не коле-

² Порядочный со своей точки зрения. Он ответствен за то, что отдал приказ о первом (увы, не последнем) официальном преследовании евреев в истории средневекового Рима – после землетрясения в 1020 г.

бался. В начале 1020 г. он отправился в Бамберг, чтобы обсудить ситуацию со старым другом и союзником Генрихом II.

Читая о Бенедикте и Генрихе, невозможно избавиться от мысли, что папе следовало быть императором, а императору – папой. Генрих Святой полностью заслужил прозвище, хотя едва ли заслуживал канонизации: поводом для нее стало главным образом унылое целомудрие, которое он соблюдал в отношениях со своей женой Кунигундой Люксембургской. Его набожность была щедро приправлена суевериями, но он был глубоко верующим человеком и имел две главные страсти в жизни – строительство церквей и религиозные реформы. Эти духовные занятия, однако, не избавляли его от необходимости управлять громадной империей. Невзирая на постоянное вмешательство Генриха в дела церкви, он и Бенедикт были друзьями с 1012 г., когда Генрих, тогда еще только король Германии³, поддержал Бенедикта на папских выборах против его соперников Кресченци. Их дружба укрепилась после того, как Бенедикт, в свою очередь, поддержал Генриха и в 1014 г. короновал их с Кунигундой имперской короной, позже основой этой дружбы были политические взгляды Бенедикта и религиозные – Генриха. Тогда еще ничто не предвещало той долгой и изнурительной борьбы между империей и папством, которая должна была вскоре начаться и достичь своего апогея при Фридрихе II, два столетия спустя; на тот момент обе силы находились в согласии. Угроза одной была угрозой другому.

Бенедикт прибыл в Бамберг накануне Пасхи 1020 г., и после пышных празднеств в новом кафедральном соборе Генриха они с императором перешли к делам. Вначале они попытались привлечь к сотрудничеству Мелуса, чье знание политической ситуации в южной Италии, а также сильных и слабых сторон византийской политики могло им пригодиться; но неделю спустя после приезда папы «герцог Апулийский» внезапно угас и Генриху с Бенедиктом пришлось действовать самостоятельно. Для решительного Бенедикта план действий был ясен: Генрих сам должен повести крупные военные силы в Италию. Эта экспедиция, к которой в нужный момент присоединится сам папа, не преследовала цели полностью вытеснить Византию из Италии – для этого время еще не пришло, – но должна была продемонстрировать, что Западная империя и папство являются силами, с которыми следует считаться, и они готовы защищать свои права. Подобный шаг мог повлиять на маленькие города или мелких лангобардских баронов, которые еще не выбрали, на чью сторону встать, и одновременно убедить Боиоаннеса, что любое дальнейшее продвижение грозит ему гибелью.

Генрих, хотя в целом одобрил этот план, не был полностью убежден. Деликатность ситуации состояла в том, что греки фактически оставались на своей территории, даже если император формально этого факта не признавал. Последние действия Византии явились результатом лангобардского бунта и расцениваться как агрессия едва ли могли. Поведение лангобардских герцогств и Монте-Кассино действительно давало повод для гнева, но, как Генрих прекрасно знал, они слишком ценили свою независимость, чтобы стать сателлитами Византии. Ради них одних не стоило организовывать военную экспедицию такого масштаба, как предлагал Бенедикт. В результате папа вернулся в июне в Италию, так и не получив от императора конкретного ответа.

В течение года Генрих колебался, и в течение года все было спокойно. Затем в июне 1021 г. Боиоаннес нанес удар. По предварительному соглашению с Пандульфом греческое войско вступило на капуанскую территорию и спустилось по реке Гарильано до башни, которую Даттус с группой своих соратников-лангобардов и небольшим отрядом все еще верных им нормандцев сделал к тому времени своей штаб-квартирой и в которой – полагаясь, вероятно, на защиту папы – он продолжал оставаться даже после измены Капуи и Монте-Кассино. (Никогда ни в это время, ни в какую другую пору своей жизни Даттус не проявлял признаков интел-

³ Титул императора присваивался только после того, как избранный германский король был коронован папой в Риме. Генрих первым назвал себя королем римлян после того, как был избран императором.

лекта.) Башня была построена для защиты от сарацин. Для этой цели она вполне подходила, но не могла выстоять против хорошо вооруженного греческого войска. Даттус и его люди доблестно сражались два дня, но на третий им пришлось сдаться. Нормандцев пощадили, но все лангобарды были казнены. Самого Даттуса доставили в Бари; там его в цепях провезли по улицам на осле, а вечером 15 июня 1021 г. зашили в мешок вместе с петухом, обезьяной и змеей и бросили в море.

Вести о случившемся быстро достигли Рима и Бамберга. Бенедикт, считавший Даттуса своим личным другом, был глубоко возмущен этим новым предательством со стороны Пандульфа и аббата Атенульфа, которые, по слухам, получили щедрое вознаграждение за то, что сдали в руки врагов своего соотечественника, последнего, кто мог поднять знамя борьбы за независимость лангобардов. Более того, именно папа посоветовал Даттусу укрыться в башне и договорился с монахами Монте-Кассино, чтобы ему предоставили это убежище. Была задета честь папства, а такого Бенедикт не мог простить. Тон его писем в Бамберг, которыми он забрасывал Генриха со времени своего возвращения в Италию, стал еще более резким. История с Даттусом была только началом; успех этой операции воодушевит греков и прибавит им дерзости. Следует предпринять решительные действия, пока не поздно. Генрих более не колебался. На рейхстаге в Ниймагене в июле 1021 г. было решено, что император должен вести армию в Италию быстро, как только возможно. Остаток лета и вся осень ушли на подготовку, и в следующем декабре огромное войско выступило в поход.

Экспедиция первоначально задумывалась как демонстрация силы, и именно таковой она и являлась. На марше армия была разбита на три подразделения, которыми по традиции командовали сам Генрих и два архиепископа Пильгрим Кельнский и Поппо Аквилейский. Первое подразделение под командованием Пильгрима получило приказ пройти по западным землям Италии через Папскую область в Монте-Кассино и Капую, чтобы арестовать там Атенульфа и Пандульфа от имени императора. Численность этого войска, как указывается, – хотя ко всем таким цифрам мы должны относиться с подозрением – составляла двадцать тысяч человек. Поппо предстояло провести второе подразделение, насчитывающее одиннадцать тысяч воинов, через Ломбардию и Апеннины к границе Апулии, чтобы в условленном месте соединиться с основной частью армии под командованием Генриха – более многочисленной, чем два других подразделения, вместе взятые, которая следовала по восточной дороге вдоль побережья Адриатики. Объединенные силы должны были затем войти в Апулию, чтобы в назидание грекам осадить и уничтожить Трою, эту гордую новую византийскую крепость, построенную Боиоанесом, в которой размещался нормандский гарнизон.

Пильгрим подошел к Монте-Кассино, как ему было приказано, но прибыл слишком поздно. Настоятель понимал, как велик гнев Бенедикта, и знал, что снисхождения не будет; услышав о приближении имперской армии, он бежал в Отранто и погрузился на судно, идущее в Константинополь. Но возмездие настигло его. Незадолго до его бегства из монастыря ему явился в видении святой Бенедикт, чтобы сообщить, что он навлек на себя недовольство небес, и напомнил о расплате за грехи. И действительно, едва судно вышло из гавани, начался страшный шторм. 30 марта 1022 г. корабль пошел ко дну и Атенульф утонул вместе со всеми. Тем временем Пильгрим проследовал в Капую. Пандульф не собирался сдаваться без боя и призвал жителей защищать городские стены, но подданные настолько его не любили, что он не мог рассчитывать на их верность. По наущению нормандцев из герцогского эскорта, которые также недолго любили своего прежнего хозяина и правильно оценили, на чьей стороне сейчас преимущество, группа горожан тайком открыла ворота имперской армии. Пильгрим вошел в Капую и принял капитуляцию у ее рассерженного правителя.

По первоначальному плану Пильгрим должен был повернуть на восток, чтобы воссоединиться с остальной армией. Однако он решил по пути завернуть в Салерно, где Гвемар, хотя его поведение было менее предосудительным, чем у его шурина, все же продолжал открыто про-

являть провизантийские симпатии и явно мог доставить беспокойство в будущем, если его не приструнить. Но Пильгрим вскоре обнаружил, что Салерно представляет собой нечто совсем иное, чем Капуя. Он был намного лучше укреплен, и защитники его держались мужественно, поскольку Гвемар был столь же популярен, сколь Пандульф ненавидим, а его нормандская гвардия не отступала перед войском архиепископа. Осада продолжалась в течение месяца, но Салерно, похоже, не собирался сдаваться. Между тем Пильгриму еще предстоял долгий тяжелый путь через горы на встречу с императором. В конце концов было заключено перемирие и Пильгрим согласился снять осаду в обмен на соответствующее количество заложников. Обезопасив таким образом свои тылы, он покинул Салерно и двинулся в глубь страны.

Генрих тоже шел быстро. Несмотря на громоздкость его армии и суровость альпийской зимы, он и архиепископ Поппо, чье путешествие обошлось практически без происшествий, соединились, как планировалось, в середине февраля 1022 г. Вместе они проследовали к условленному месту около Беневенто, где их ждал папа, и 3 марта Бенедикт и Генрих торжественно вступили в город. Там они оставались четыре недели, отдыхая и, вероятно, поджидая Пильгрима. Армия пока готовилась к новому военному походу. К концу месяца союзники решили не ждать больше архиепископа и отправились в Трою.

Боиоаннес, как всегда, выполнил свою работу хорошо. Имперской армии, спустившейся с перевала на равнину Апулии, могучий отрог, на котором стояла Троя, наверное, казался неприступным; и сам город, расположенный на границе между византийской территорией и герцогством Беневенто, выглядел зловеще. Но суровая решимость папы и набожная стойкость императора сделали свое дело, и 12 апреля осада началась. Осада тянулась примерно три месяца, и за это время погода становилась все более жаркой. Удручающая монотонность военных будней была нарушена прибытием Пильгрима с новостями из Кампании и Пандульфом (все еще кипящим негодованием) в обозе. Весть о судьбе Атенульфа оставила Генриха равнодушным: по слухам, он только пробормотал стих из седьмого псалма⁴ и отвернулся. Пандульфа император приговорил к смерти здесь же, на месте, но, благодаря заступничеству архиепископа, который привязался к своему пленнику за время путешествия через горы, приговор был смягчен. Пандульфа отправили в качестве пленника в земли по другую сторону Альп – жест милосердия, о котором многие в самом ближайшем будущем пожалели. Волка из Абруццо увезли в цепях, и осада продолжилась.

В отличие от своей прославленной анатолийской тезки, апулейская Троя держалась до конца. Некоторые прогермански настроенные хронисты утверждают, что Генрих сумел взять город штурмом; знаменитый своей безответственностью монах Радульф Глабер (чья безудержная фантазия соперничала с неводержанностью в личной жизни, что позволило ему поставить своеобразный рекорд среди сочинителей XI в. по количеству монастырей, откуда его изгнали) рассказывает шаблонную малоправдоподобную историю о том, как сердце Генриха смягчилось при виде процессии из всех жителей города, возглавляемой старым отшельником, несущим крест. Но, если Троя действительно сдалась, непонятно, почему никаких упоминаний об этом нет в современных событиям южноитальянских источниках – и тем более маловероятно, чтобы Боиоаннес немедленно после этого даровал городу новые привилегии в награду за верность.

Судя по всему, Генрих не дождался своего триумфа. Он не мог продолжать осаду бесконечно. Жара брала свое, и малярия, которая была бичом Апулии вплоть до XX в., подрывала силы имперской армии. В конце июня Генрих решил снять осаду. Лагерь был свернут, и император, который сильно страдал от желчных камней, медленно двинулся в горы во главе своего огромного, но павшего духом войска. Это был не первый случай, когда лето южной Италии победило могущественнейшую европейскую армию, и, как мы увидим, не последний. Генрих встретился с папой, отбывшим еще раньше, в Монте-Кассино, где они оставались несколько

⁴ Рыл ров и выкопал его и упал в яму, которую приготовил.

дней. Бенедикт вводил в должность нового настоятеля, а Генрих просил – успешно, как говорят – чудесного избавления от своих камней. Затем, после краткого визита в Капуя, где другой Пандульф, граф Теанский, обосновался во дворце своего опального тезки, папа и император отправились через Рим в Павию, чтобы присутствовать на соборе, который Бенедикт созвал по поводу церковной реформы. Для Генриха посещение такого собрания представляло неодолимый соблазн, и только в августе он уехал в Германию.

Его военный поход оказался не слишком успешным. Пилигрим, правда, выполнил свою задачу хорошо; Пандульф и Атенульф сошли со сцены, соответственно, со стороны Капуи и Монте-Кассино не должно было грозить никаких неприятностей: заложники из Салерно и Неаполя гарантировали безопасность этой части побережья (Неаполь сам послал заложников, не дожидаясь осады архиепископской армии). Но апулийская кампания потерпела фиаско. Упрямая Троя выстояла, доказав всем редкостное бессилие имперской армии. Войско в шестьдесят тысяч человек оказалось неспособно покорить маленькую горную крепость, построенную за четыре года до этого. Еще хуже было то, что войско находилось под личным командованием императора, чьей репутации был таким образом нанесен жестокий удар – в то время как Боиоаннес, который выстроил Трою и укомплектовал ее гарнизон, снискал еще большую славу. Кроме того, катапан имел одно дополнительное преимущество, которое Генрих слишком хорошо сознавал: находясь в Апулии, он мог последовательно укреплять свои позиции и хвататься без промедления за любую возможность улучшить их. Западный император, напротив, мог действовать только через своих вассалов, которые, как показали недавние события, хранили верность только до тех пор, пока это им было выгодно. Когда император был здесь во всем своем блеске, держал двор, вершил суд и щедрой рукой раздавал дары, вассалы были вполне готовы повиноваться и служить ему. Стоило ему уехать, тут же находились недовольные и смутьяны; законы попирались, требования морали не соблюдались, запреты забывались; Боиоаннес же не упускал шансов. Что в такой ситуации могло спасти всю с трудом восстановленную имперскую структуру от нового крушения?

Византийцы, наблюдавшие, как имперское войско уходит в горы, вероятно, испытали облегчение. Возьми Генрих Трою, вся Апулия легла бы у ног его милости. Из опыта прежних поражений следовало, что это означало бы уничтожение всего достигнутого за прошедшие четыре года. Даже при сложившейся ситуации многое требовалось строить заново; но благодаря Трое основы уцелели. Греческая дипломатия вновь могла приступить к делу. Неудивительно, что Боиоаннес так щедро награждал город.

Итак, для двух главных соперников кампания 1022 г. закончилась ничьей. Приобретения и потери распределялись практически поровну, и трудно было сказать, на чьей стороне преимущество. Что касается других участников противостояния, то Капуя потерпела жестокое поражение, а Салерно и Неаполь уступили и покорились. Только одной группе людей события этого года принесли бесспорную выгоду. Нормандцы, оборонявшие Трою, сохранили Апулию для греков и заслужили благодарность Боиоаннеса. На западе Генрих в качестве награды за «помощь» в покорении Капуи нанял большой отряд нормандцев, чтобы они охраняли и поддерживали Пандульфа Теанского. Император также разместил нормандские контингенты в крепостях вдоль византийской границы и в разных местах на побережье для защиты от сарацин. Нормандцы уже в совершенстве овладели искусством оказываться всегда на стороне победителя, обращая любую победу себе на пользу и при любых поражениях каким-то образом оказываясь ни при чем. В обеих частях полуострова они укрепили свои позиции и стали ценнейшими союзниками для обеих империй. Дела их поистине шли хорошо.

Глава 3

Укрепление позиций

*Пять светлых братьев,
Которые захватили мир и разделили его между собой,
Пришли из Нормандии, из свежей зеленой страны
Пришли на эту землю разбитого мрамора.
Сэчверелл Ситуэлл. Бозмунд, принц Антиохийский*

Генрих Святой, вернувшись домой, не питал особых иллюзий по поводу своих возможностей влиять на ход событий в Италии, но даже он не мог предвидеть, насколько быстро будут сведены на нет результаты его трудов. Он потратил много сил и, должно быть, считал, что, по крайней мере на западе, ситуация относительно стабильна. Так, кстати, и было; но вмешалась некая случайность, которой император не мог предвидеть. Улучшение его здоровья, которое явилось результатом чудесного вмешательства святого Бенедикта в Монте-Кассино, оказалось, увы, столь же эфемерным, как и все, чего Генрих достиг в Италии. В июле 1024 г. он умер. Его похоронили рядом с Мелусом в Бамбергском соборе.

Генрих, как можно было ожидать, не оставил наследников; с ним Саксонская династия пришла к концу. Ему наследовал дальний родственник Конрад II Салический. Конрад по характеру и взглядам был непохож на Генриха – он совершенно не интересовался, например, делами церкви, если они не затрагивали его политических интересов, – и у него не было особых причин продолжать политику своего предшественника. Однако это не оправдывает той вопиющей глупости, которую он совершил. По просьбе Гвемара Салернского, приславшего ему льстивое поздравление и дары, новый император, только вступив на престол, освободил Пандульфа Капуанского от цепей и разрешил ему вернуться в Италию. Папа Бенедикт не позволил бы ему совершить подобную дурость; но папа Бенедикт умер. Он опередил Генриха на пути к могиле всего на несколько недель, и ему наследовал с неподобающей поспешностью его брат Роман, который немедленно обосновался в Латеранском дворце под именем Иоанна XIX. Развращенный и исключительно своекорыстный, Иоанн не имел ни сил, ни желания возражать Конраду. Таким образом Волк из Абруццо вернулся домой и снова попытался оправдать свое имя.

Его первой целью было вернуть Капуя и отомстить тем, кто его предал. Для этого ему требовались союзники. По прибытии в Италию он сразу обратился с просьбами о помощи к Гвемару в Салерно, к катапану Боиоаннесу и, наконец, нормандцу Райнульфу, которого он умолял прислать ему столько соотечественников, сколько найдется. Гвемар, который, как свойственник Пандульфа, безусловно выигрывал в случае, если тот восстановит свой статус-кво в Капуе, откликнулся сразу, и ему не составило труда уговорить Райнульфа, увидевшего новые широкие возможности для нормандского продвижения, присоединиться к заговору. Только греки ответили отказом, однако у них имелось веское оправдание. Император Василий готовил масштабную экспедицию против сарацин, которые к тому времени стали единовластными хозяевами Сицилии. К тому моменту, когда он получил послание от Пандульфа, основная часть его армии – греки, варяги, влахи и турки – уже прибыли в Калабрию, а Боиоаннес уже вел авангард войска через проливы, чтобы от имени императора оккупировать Мессину. Пандульфа не слишком опечалил отказ. Райнульф с внушительным отрядом нормандских воинов присоединился к армии Гвемара, и было не похоже, что Капуя окажет серьезное сопротивление. Кроме того, небольшое греческое подразделение, каким-то образом отставшее от основных экспедиционных сил, неожиданно появилось в последний момент и теперь ожидало приказаний. (Если Пандульф должен был вернуть себе трон, Боиоаннес не желал, чтобы

это произошло без помощи византийцев.) Не было причин далее медлить. Соответственно в ноябре 1024 г. началась осада Капуи.

Она длилась значительно дольше, чем ожидал Пандульф. Река Волтурно надежно защищала город с трех сторон. Благодаря ей, а также необыкновенно мощным земляным валам с четвертой стороны и, без сомнения, благодаря решимости капуанцев отложить как можно дольше возвращение своего ненавистного владыки, крепость держалась восемнадцать месяцев, и продержалась бы дольше, если бы не несчастный случай 15 декабря 1025 г.: как раз в тот момент, когда он собрался отправиться из Константинополя в Сицилию, император Василий умер. Ему наследовал его шестидесятипятилетний брат Константин, выживший из ума сластолюбивый, который, несмотря на то что формально пятьдесят лет делил с Василием трон, совершенно не годился для того, чтобы воплощать в жизнь величественные замыслы Василия. Он отозвал войска из Италии в самый решающий момент, и Боиоаннес смог бросить всю свою огромную армию против Капуи.

Теперь у защитников Капуи не было никаких шансов. В мае 1026 г. граф Теанский решил, что капуанский трон становится для него слишком горячим, и принял предложение Боиоаннеса, обещавшего ему возможность благополучно уехать в Неаполь в обмен на сдачу. Ворота города были открыты, и через четыре года (почти день в день) после своего позорного поражения Волк опять водворился там, где, по крайней мере по его мнению, ему и надлежало быть. Хронисты не скупятся на детали, описывая месть Пандульфа капуанцам, многие из которых предпочли бы держаться до конца и пасть в бою. Нормандскому гарнизону, вероятно, больше повезло; победитель был многим обязан Райнульфу, а к тому времени уже стало традицией, что в любой битве, где нормандцы сражались с обеих сторон, те, кто был на победившей стороне, просили милосердия для своих менее удачливых соотечественников.

И все же Пандульф не был удовлетворен. Оставался, в частности, Неаполь. Герцог Сергей IV, хотя являлся номинально вассалом Византии, вел себя удивительно безалаберно во время военного похода архиепископа Пильгрима: он не оказал никакого сопротивления и предложил заложников, прежде чем ему начали угрожать. Сергей даже пальцем не пошевелил, чтобы помочь Пандульфу вернуть себе свою вотчину, а теперь приютил этого негодяя графа Теанского. Тот факт, что это было сделано с позволения Боиоаннеса, не останавливал Пандульфа; он подозревал, не без оснований, что это был продуманный шаг со стороны катапана, которому наличие соперничающих претендентов на трон в Капуе могло в будущем оказаться полезным. В любом случае, Сергей был соседом, не заслуживающим доверия, и с ним следовало обращаться соответственно. Единственным препятствием был Боиоаннес, который находился с Сергием в прекрасных отношениях и, конечно, пришел бы к нему на помощь, если бы возникла необходимость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.